

Воспоминания
о Николае Умелёве

Коллектив авторов

Воспоминания о

Николае Шмелеве

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19527984
ISBN 978-5-98163-050-7, 978-5-4469-0611-6

Аннотация

Книга посвящена светлой памяти Николая Петровича Шмелёва – выдающегося учёного, писателя, общественного и государственного деятеля. О его многогранной личности, человеческих качествах, достижениях и раздумьях вспоминают друзья и коллеги. Жизнь Н. П. Шмелёва также представлена в фотографиях из семейного архива. В сборник вошли избранные и знаковые произведения, ярко раскрывающие таланты Н.П. Шмелёва как исследователя («Авансы и долги»), писателя («Ночные голоса») и мыслителя («Духовное здоровье русского человека»).

Содержание

В поисках здравого смысла	5
Памяти Н. П. Шмелёва	10
О Н. П. Шмелёве	13
Памяти друга	23
Мой друг Николай Шмелёв	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Воспоминания о Николае Шмелёве / Федеральное
гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской
акад. наук; сост. Ал. А. Громыко. – М.: Ин-т Европы РАН;
СПб: Нестор-История, 2015. – 184 с.

ISBN 978-5-9816-3050-7

ISBN 978-5-4469-0611-6

© ИЕ РАН, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Н. П. Шмелёв, наследники, 2015

© Издательство «Нестор-История», 2015

В поисках здравого смысла

Шестого января 2014 г. Институт Европы и тысячи людей за его стенами понесли горькую утрату, неожиданную и беспощадную – ушел из жизни Николай Петрович Шмелёв, выдающийся ученый, общественный и государственный деятель, писатель от Бога, летописец человеческих душ. Но главное – уникальный Человек.

Николай Шмелёв всю жизнь, как одержимый знаменiem свыше углекоп в недрах Земли, неустанно и самозабвенно перелопачивал бесчисленные тонны духовной руды в поисках ответов на вопросы: зачем живет человек и как ему быть счастливым?

В центре его деятельного мирозерцания стоял именно человек, со всеми своими радостями и горестями, добродетелями и пороками. Николай Петрович был внимательным наблюдателем, который многие десятилетия пристально всматривался в человека и задавался по существу одним и тем же вопросом: чего в нем, в человеке, больше – добра или зла?

За свою долгую и удивительно насыщенную жизнь Николай Шмелёв столько раз был свидетелем трагедий и горестей в истории своей страны и мира, всяких безобразий и несправедливостей, что своим сердцем, как писатель, считал правдою писать о жизни с некоторой надломленностью. Это ко-

гда прочитаешь его рассказ – и внутри защежит. И в этом отношении произведение «Ночные голоса» стало вершиной его писательского мастерства. Оно из разряда тех, читая которые знаешь, что в минуты озарения рукой писателя водило что-то большее, чем вдохновение.

Но своим умом, как ученый, и не только академический, но исследователь человеческих душ, Николай Шмелёв был глубинным оптимистом. Слишком хорошо он знал русскую историю, слишком хорошо знал русского человека, чтобы потерять веру в их величие и светлую сторону. У него как у Игоря Северянина: «Моя безбожная Россия, священная моя страна; моя ползучая Россия, крылатая моя страна!»

51 часть в пользу добра, 49 частей в пользу зла: таков был по Шмелёву гамбургский счет в раскладе жизни. Дадим слово самому Николаю Шмелёву: «В деле духовно-нравственного возрождения страны нет и не может быть какого-то одного-единственного чудодейственного средства, или стратегического решения, или спасительного мероприятия. И желаемого результата, несомненно, нельзя добиться без веры в человека, без стойкого оптимизма в отношении будущего человечества. Зло всегда было в мире, и зло всегда будет в мире, причем более или менее в одном и том же соотношении независимо от исторического времени. С этим люди всегда жили, и с этим им придется жить и дальше. Весь вопрос в том, удастся ли обществу и впредь держать это зло более или менее под контролем...»

В своих художественных работах, от романов и повестей до автобиографических зарисовок, своего рода камушков мудрости, как он их называл – фитюлек, Николай Шмелёв был и есть яркий представитель русской писательской интеллигенции в лучших чеховских и лихачёвских традициях. Ими было пронизано все его жизненное кредо. А состояло оно в следующем: «Довольно завиральных идей. Пора, наконец, строить свой дом, сажать цветы, растить детей, мостить дороги, строить школы и больницы. И пора, наконец, начать всерьёз осваивать те огромные богатства, те бескрайние просторы, коими нас наделил Господь Бог».

Он мог простить тех, кто когда-то его предавал, и мог нелицеприятно критиковать своих старых друзей. Он мог о необычайно трудном говорить просто и, на первый взгляд, в простом видеть всю сложность жизни. И трудно сказать, за что мы уважали его больше. Он не боялся тех, у кого сила и власть, но боялся людской черствости и безразличия. Главным светским антихристом в его глазах был матрос Железняк как собирательный образ, как символ невежественного насилия и произвола.

Во что же он верил? Слово академику Шмелёву: «Наши мозги, интеллектуальный и духовный потенциал страны (наука, культура, образование, здравоохранение) – это единственный наш бесспорный национальный капитал, который мы накопили за предшествующие века, в том числе и за годы советской власти».

А еще, несмотря ни на что, он верил в русскую интеллигенцию:

«Лично я не могу согласиться... что “интеллигенция уходит”, что российский интеллигент исчезает из нашей жизни. Этого не может быть никогда, потому что этого не может быть никогда. Никуда ум, образованность, совесть, сопереживание, духовные, нравственные начала, чувство личной ответственности за страну, изначально присущие российскому интеллигенту, не могут исчезнуть из жизни, пока российский человек вообще жив».

Всю свою жизнь Николай Петрович Шмелёв посвятил поиску здравого смысла, формулировал его для себя и убеждал других в том, что обыкновенный здравый смысл, помноженный на немного сочувствия к людям, и есть наше спасение.

Николай Петрович ушел от нас в канун светлого праздника Рождества, праздника надежды, веры и возрождения. И это не случайно, ведь он был светлым человеком, все существование которого есть доказательство того, что всегда есть выбор, что всегда, несмотря на обстоятельства, можно встать на сторону добра, порядочности, сопереживания, одним словом – должного.

Николай Шмелёв оставил после себя богатое наследие. Это его бесчисленные научные труды, включая знаменитые «Авансы и долги», всколыхнувшие в свое время всю думающую Россию, его бесподобная по искренности и честности проза с полюбившимся миллионам «Пашковым домом», Ин-

ститут Европы, которому он посвятил свою жизнь с 1992 г. И главное – наши воспоминания об этом выдающемся Человеке, которые мы, знавшие его, пронесем с собой до конца жизни.

Я хочу, чтобы мой короткий рассказ о Николае Петровиче Шмелёве закончил он сам своими словами из начала двухтысячных: «Суждено России вновь, не в первый уже раз, подняться с колен, преодолеть и нынешнюю “Великую смуту” – благотворные духовно-нравственные поиски российского человека будут продолжаться и дальше, ибо они по природе своей бесконечны. Но надрыв, растерянность, озлобленность, вражда к миру и к себе подобным вновь отойдут тогда на задний план, уступив первенство тем созидательным, нравственно здоровым стремлениям, которые от века присущи человеку именно потому, что он не зверь, а Человек».

Светлая память Николаю Петровичу Шмелёву.

Ал. А. Громыко

Директор Института Европы РАН,
президент Ассоциации европейских
исследований России (АЕВИС),
ученик Н. П. Шмелёва

Памяти Н. П. Шмелёва

Мое знакомство с Николаем Петровичем Шмелёвым, переросшее затем в дружбу, продолжалось более сорока лет. Началось оно с совместного участия в академических мероприятиях, затем были десять лет работы в Институте США и Канады, и последнее двадцатилетие – общая деятельность в Институте Европы, где он в 1999 г. стал директором.

Первые впечатления о нем – неординарность выдающегося экономиста, ученого со своим и масштабным видением процесса развития российского общества, его проблем и перспектив. И всегда с оригинальными и глубоко обоснованными идеями о его совершенствовании, преодолении трудностей, выходе на новые горизонты. Знаменитая статья «Авансы и долги» была ярким, но далеко не единственным примером осмысления нашей истории, действительности и будущего. Уверен, что многие из его идей еще будут востребованы нашим обществом.

Николай Шмелёв надолго запомнится всем нам и как выдающийся российский писатель XX – начала XXI века. Его образный язык, глубокое проникновение в суть человеческих характеров, острота и масштабность взгляда на современную и прошлые эпохи проложили путь к созданию серии замечательных романов и повестей, любимых читателем, и не только российским. Он останется одним из ярких пред-

ставителей российской литературы и культуры.

Для нас, людей Института Европы, Николай Петрович Шмелёв был и остается человеком, внесшим огромный вклад в процесс исследования современной Европы, ее места в мире, российско-европейских отношений. Практически весь научный коллектив института участвовал на протяжении десятка с лишним лет в созданной им серии монографий «Старый свет – новые времена», посвященной фундаментальному анализу европейских процессов XXI века. Основанный им журнал «Современная Европа» был и останется одним из ведущих гуманитарных академических изданий.

Николай Петрович всегда ярко и убедительно представлял Институт Европы на многочисленных международных форумах как у нас в стране, так и за рубежом. Были открыты новые перспективные направления исследований, успешно шел процесс выдвижения и вовлечения в научную жизнь института молодых ученых, одним словом, Институт Европы полнокровно развивался, и это служит хорошей основой для его дальнейшего роста и укрепления как важнейшего центра российской европеистики.

В памяти Николай Петрович Шмелёв останется и как яркий представитель российской интеллигенции, ее видный деятель и выразитель ее чаяний. Его работы, выступления на научных конгрессах, различных круглых столах, в средствах массовой информации всегда были пронизаны мыслями о России, ее обществе, ее состоянии и проблемах и особенно

ее будущем. Эта традиция надолго останется и в умах, и в делах Института Европы, нашего Отделения глобальных проблем и международных отношений, российского сообщества науки и культуры.

В. В. Журкин

Академик РАН,

Почетный директор Института Европы РАН

О Н. П. Шмелёве

(В защиту здравого смысла)

Фридрих Энгельс в «Анти-Дюринге» довольно пренебрежительно отзывался о здравом смысле, отводя ему подобающее место лишь в домашнем обиходе, между четырьмя стенами.

Напротив, Николай Шмелёв призывал в своих работах ориентироваться именно на здравый смысл. «Чем же нам надлежит руководствоваться в дальнейшем?» – спрашивал он. И сам же давал ответ: «Уверен, ничем другим, кроме четырех правил арифметики и обыкновенного крестьянского здравого смысла. И если нам сегодня чего-то и не хватает, так это не теорий, не вдохновенных стратегических планов с замахом на десятилетия, а то и на века, а простого понимания обыденного житейского правила: надо поступать не по теории, а по обстоятельствам...»

Налицо два разных подхода к обустройству общества, и нужно отдать должное Николаю Шмелёву, что он выступил против тезиса знаменитого классика.

Николай Шмелёв был выдающимся ученым нашего времени, и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, он был мыслителем в полном значении этого понятия. Потому он и достиг вершин в разных сферах. Эти сферы были для него фор-

мами, которые заполнялись его раздумьями, – экономическая наука («Авансы и долги»), художественная литература («Пашков дом»), российская история («Сильвестр»), германистика («Спектакль в честь господина первого министра»), политика (народный депутат СССР; на выборах народных депутатов СССР от Академии наук Николай Петрович набрал больше всех голосов, около 90 %, опередив Андрея Дмитриевича Сахарова).

Названия его трудов исчисляются сотнями. В дискуссиях он быстро просчитывал мысленно один вариант за другим при решении проблемы или ответах, выбирая оптимальный, мгновенно продуманный, и его уже не могли смутить никакие оппоненты. А они были. И в немалом количестве. Причем кое-кто из них странным образом возлагал ответственность за экономические неудачи на Николая Шмелёва, хотя не кто иной, как он страстно обвинял власти в том, что они проводят ошибочные реформы – бросовая приватизация, залоговые аукционы, инфляция, монетизация льгот и др. Мы оба были членами Президентского совета (Ельцин) и могли с близкого расстояния наблюдать, оспаривая, волюнтаристские методы новой администрации страны.

Плановая система хозяйствования при всей ее неэффективности была довольно сложной, и вот вместо того, чтобы понять ее, что называется, дотянуться до планки и с большой осторожностью переводить на рыночные рельсы, сохраняя все полезное, младореформаторы выбрали путь разрушения,

то есть постарались низвести до своего уровня, и в этом они преуспели. Приведу эпизод из того времени. Один только что назначенный министр длительное время не появлялся на службе, а когда появился, то заявил своему предшественнику, желавшему передать дела: а куда спешить, чем больше все развалится, тем лучше, будем строить заново. Впоследствии, поездив по объектам, он признался в беседе со мной, что впечатлен увиденным – мощные предприятия, почти километровые цеховые прогоны, экспортная продукция двойного назначения... Неумехами называл Николай Петрович таких горе-реформаторов.

«Николай Петрович, почему нет мяса?» – спросил однажды Шмелёва один академик (по-моему, физик) на исходе советской власти. Не было не только мяса, существовал тотальный дефицит. Как от него избавиться, как сделать жизнь человечнее – этим и занимался Н. П. Шмелёв в своих работах.

Постигнув все хитросплетения экономической теории, явные, скрытые, разорванные взаимосвязи в ней, Николай Шмелёв вместе с тем был в курсе текущей конкретики, и, если прибегнуть к высокому стилю, он знал и разделял чаяния народа. Цены на необходимые товары, размер зарплаты, налоги, экспорт-импорт и прочая статистика – все это было для него не какой-то терра инкогнита, а основой продвижения в политику того самого здравого смысла. Он не был научным затворником. Николай Шмелёв и Михаил Горбачёв

(после отставки) часто встречались, и однажды бывший генсек в беседе воскликнул в сердцах: «Ах, если бы я тебя тогда послушал, сейчас было бы все иначе».

Когда в далеком 1977 г. я получил диплом доктора экономических наук, Николай Шмелёв сказал мне: «До сих пор ты сидел на одном месте, а теперь диплом начнет таскать тебя за собой». Эти слова оказались пророческими. Вскоре начались большие перемещения в моей биографии (ФРГ, Сахалин, Якутия), пока я не осел в Институте Европы РАН.

В течение 14 лет я был заместителем Шмелёва как директора этого института, у нас сложились доверительные дружеские отношения, которые стимулировали исследовательскую работу. Вместе с тем при обсуждении текстов не было никакого панибратства, они оценивались по «гамбургскому счету». Результатом нашего научного сотрудничества стал ряд совместных публикаций. Некоторые из них указаны ниже¹. По содержащимся там положениям неоднократно возникали дискуссии, например, о целесообразности переноса столицы России из Москвы за Урал, о приоритетном развитии потребительского комплекса, без чего невозможно оздо-

¹ Шмелёв Н. П., Фёдоров В. П.: 1) Россия – Запад: требуется концепция ограниченного возмездия // Современная Европа (Взгляд экономистов). 2010. № 1; 2) Прогнозы и опасности (к вопросу об их адекватности) // Россия в многообразии цивилизаций. М., 2011; 3) Евросоюз – Россия: мера сотрудничества. Доклады Института Европы. № 275. М., 2012; 4) Российские реалии // Современная Европа. 2013. № 3; 5) Нерешенные проблемы // Большая Европа: идеи, реальность, перспективы. М., 2014.

рование народного хозяйства, о необходимости прогнозирования не только по валу, но и по опасностям, о будущем Европы. Что ее ждет – неминуемое крушение в перспективе вследствие миграционного фактора (автор этих строк) или спасительное преобразование (Н. П. Шмелёв)?

Хочу отметить еще одну уникальную сторону личности Николая Шмелёва: он был совестью нации, моральным стержнем общества. Без таких колоссов оно рухнуло бы в средневековье. Его слово много значило, с ним люди сверяли или корректировали свои представления о том, что происходит вокруг. В годы перестройки Николай Петрович повлиял на мировоззрение миллионов и миллионов людей. Он был властителем дум. Членами научной школы Шмелёва можно назвать не только тех сотрудников, кто непосредственно работал под его началом, но гораздо более широкую аудиторию. А сам он остро переживал несправедливости, чего бы они ни касались, и в борьбе с этим злом проявлял свою сильную волю. Он не смирился с той разрушительной кампанией, которая была развернута против Российской академии наук. Человек науки, он буквально страдал, видя, как погибает многое из того, что было создано за почти трехсотлетнюю деятельность академии. Возможно, это ускорило его уход из жизни.

Многие годы Николай Шмелёв был невыездным, поскольку слыл в определенных кругах неблагонадежным. В одном случае был банальный донос на него из ближайшего окруже-

ния, и впоследствии, узнав суть дела, Николай простил «друга», а вот другой случай имел заграничное происхождение. Однажды Николай Шмелёв был в научной командировке в Венгрии по приглашению тамошнего университета. Стоя в очереди в университетской столовой в обеденный перерыв, он разговорился с соседом по очереди, и они обменялись визитными карточками. Позже этот сосед стал диссидентом и был «изъят из обращения». При обыске его квартиры местные органы обнаружили визитку Николая Шмелёва и не поленились переслать ее из Будапешта в Москву (мол, вот с кем общался ваш доктор наук). После этого выезд для Николая Петровича был закрыт на десять лет.

К невыезду Николая в длительную заграничную командировку приложил руку также не кто иной, как Н. С. Хрущёв, его зятем Николай был в течение нескольких лет до развода, который состоялся еще во время правления Хрущёва. Причина запрета: «возможны провокации». Свои доводы генсек изложил зятю с некоторым смущением, сознавая, что он стоит помехой на пути профессиональной работы молодого специалиста. Можно упомянуть со слов Николая и о других эпизодах из его тогдашней жизни, таких как неодобрительные короткие высказывания в семейном кругу Хрущёва о Сталине (о публичных выступлениях Хрущёва против Сталина мы знаем), различия в рассаживании гостей в неофициальных встречах с «чаепитием»: если высшие партийные чины торопились занять места поближе к хозяину, то научные деятели

садились за стол не без достоинства и по своему усмотрению.

«Слаб человек» – это его частое высказывание относилось к небольшим человеческим порокам и звучало философски, не как призыв к наказанию, а скорее как прощение несовершенства homo sapiens. Почитал Библию и в разговоре мог цитировать ее.

В текущей жизни Николай Шмелёв был приятным собеседником, никогда не прерывал говорящего, выслушивал до конца, иногда это было утомительно. Не любил, чтобы люди подолгу ждали в приемной. Когда говорил сам, то блистал, совсем не нарочно, так уж получалось, знаниями и остроумием. На работе мы встречались, как правило, через день, в общении у нас не было нарочитой серьезности. Удивительно, но на профессиональные темы мы говорили мало, видимо, потому, что понимали друг друга с полуслова, а в беседах лишь «сверяли часы». Больше общались на письменном языке, когда писали общие работы. Когда хотелось освободиться от текущих проблем и забот (после дождя протекает крыша или кровля, а то и обе, лопнула водяная батарея, холодно в помещении, аренда), то уходили «вглубь истории», вспоминали разные эпизоды, рассказывали анекдоты. Однажды я в шутку предложил Николаю взять такой псевдоним – Шмелёв Тот Самый, на что он весело отреагировал. Между прочим, мое предложение было взято из жизни. Когда меня спрашивали, где работаю, то я отвечал: в Институте Европы.

– А кто у вас директор? – следовал вопрос.

– Шмелёв.

– Это какой Шмелёв?

– Тот самый.

– Ой, передайте ему привет.

Людская отзывчивость и благодарность ободряли Николая Петровича, укрепляли в нем веру в созидательные силы народа. Как он считал, баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозами развития России складывается примерно 49:51 в пользу последнего, и решительно не соглашался с советами поменять эти цифры местами.

Николай Шмелёв любил изящную поэзию, романсы, обожал «Утро туманное, утро седое...».

Иногда Николай мог быть вспыльчивым. И здесь проявлялась одна его особенность. Когда он был сильно разгневан, чем-то возмущен донельзя, то резко выговаривал собеседнику свои претензии, подкрепляя их энергичными жестами, с сигаретой в руке, в абсолютно правильной речи с безукоризненными формулировками (подлежащее, сказуемое), что меня всегда забавляло (часто люди в таком состоянии только и способны, что извергать междометия и говорить бессвязные слова). Правда, он быстро отходил и сожалел, что «сорвался». Он никогда не «закручивал гайки», поощрял вольнодумство и, будучи шеф-редактором созданного им журнала «Современная Европа», не навязывал свою точку зрения авторам. После интервью со Шмелёвым журналисты делились своими впечатлениями: не хотелось уходить, так было

интересно.

У нас в Институте заведено писать дружеские эпиграммы.
Приведу некоторые из посвященных Николаю Шмелёву.

* * *

Его статья «Авансы и долги»
Правительству прочистила мозги.
У нынешнего кабинета снова
Понятья о народе... никакого.

(1998 г.)

* * *

Mein Gott, писатель, академик, германист,
Фортуна не скрывает пиетета.
Обнимет пусть тебя сегодня трубочист —
В Германии хорошая примета.

(по поводу повести о Гёте)

* * *

Как сделать так, чтобы страна
Была крепка, как колоннада.
Есть только истина одна —
Учиться у Шмелёва надо.

Николай Шмелёв прожил плодотворную жизнь не только для себя, но и для своего Отечества. Без этого Ученого и Гражданина оно было бы отчасти другим, скуднее.

В. П. Фёдоров

Член-корр. РАН

Заместитель директора Института Европы РАН

Памяти друга

Почти десять лет, с 2004 по 2013 г., мне выпало счастье работать с Николаем Петровичем, почти ежедневно встречаясь, деля с ним общие и личные радости и горести. Он пригласил меня в Институт, сделав своим заместителем, что было для меня и честью, и удовольствием. Нам не пришлось притираться друг к другу, поскольку мы были знакомы и дружны еще со времени, когда Институт мировой экономики и Институт социалистической системы размещались в одном здании на Ярославке. Позже мы вместе работали в Институте США и Канады, вместе участвовали в различных академических мероприятиях, часто вместе выезжали за границу.

За долгие годы академической жизни мне пришлось близко, а проще говоря, на собственной шкуре познакомиться с разными стилями управления институтами. Я хорошо помню, как один из тогдашних заместителей директора ИМ-ЭМО несколько дней лично выходил к столу вахтера и проверял роспись сотрудников в журнале прихода и ухода. Однако он быстро понял тщетность подобного контроля для академической среды и вскоре отказался от жесткости. Тем не менее, подобные журналы еще долго существовали в отделах института, что нам, которым было по 25–30 лет, не мешало совмещать работу с личной жизнью, тем более что Со-

кольники с его тенистыми аллеями, пивными и теннисными кортами находился, как теперь принято говорить, «в шаговой доступности». Мы достаточно цинично писали в журнале: «16 часов, ушел в лес», но слово «лес» писали «Л. Е. С.», что выглядело, с нашей точки зрения, вполне официально и немного загадочно.

Став директором института, Николай Петрович всегда говорил о дилемме администрирования как о выборе между управленческими способностями батьки Махно и Иосифа Виссарионовича. Он всегда считал, что академическая свобода есть залог творческой работы коллектива. Он гордился, что в среде московской интеллигенции бытует мнение, что в Институте Европы «хорошо работать». Другими достоинством его руководства была объективность и толерантность восприятия всего спектра политических баталий, идущих в стране и перенесенных на наши семинары и конференции. Он всегда руководствовался собственным хорошо развитым здравым смыслом и столь же блестящим чувством юмора. Его предшественник Виталий Владимирович Журкин собрал блестящий коллектив, сочетающий в себе аналитику и практический опыт, а Николаю Петровичу удалось его сохранить и приумножить. Неслучайно идеологическая палитра института допускала полярные точки зрения на события в мире, и это не мешало ярким и плодотворным дискуссиям как на официальных платформах Ученых советов и семинаров, так и в коридорах Института. Сам Николай Пет-

рович был центристом, готовым выслушать любого, если он понимал, что человеком движет искренняя озабоченность судьбой страны. Единственное, что было неприемлемо для его человеческих и политических оценок, — это непорядочность и такие ее производные, как расизм, шовинизм или фашизм.

При этом мы всегда понимали, что Институт действует в достаточно стесненных условиях, как с чисто материальной точки зрения, так и в контексте проблем невостребованности нашей науки со стороны российского государства. Тем не менее Институту удалось выжить, сохранить основу коллектива и остаться на лидирующих научных позициях в сфере изучения проблем Европы и наших отношений с ней.

Николай Петрович был одним из тех, кого принято называть «шестидесятниками». Окончил университет на излете хрущёвской оттепели, волею судеб оказался вблизи ее автора и могильщика. Он хорошо понимал и разделял взгляды тех, кто ощущал необходимость перемен, что ясно и ярко отразилось в его литературе и научных работах. Противоречия действительности и ожидание перемен далеко не сразу смогли найти своего читателя в силу идеологических и цензурных ограничений. Счастьем Николая был его писательский дар, хотя и здесь ему пришлось многое писать «в стол».

Он радостно воспринял перестройку Горбачёва и стал одним из идеологов пересмотра экономической политики. К сожалению, реальность не соответствовала его советам, и

дальнейшее развитие страны стало его постоянной болью. Он мучительно переживал две вещи. Во-первых, он был до боли разочарован тем, что наша интеллигенция в большинстве своем не смогла соответствовать требованиям рыночной экономики. Его коллеги писатели начали жизнь с дележа имущества своих союзов и драки за деньги. Во-вторых, он считал, что реформы Гайдара не соответствовали главному экономическому принципу Николая – «четыре правила арифметики и сострадание людям». К этому можно прибавить наследованное с советских времен ощущение некомпетентности руководства страны. Однажды за столом, где мы обедали в перерыве конференции, Михаил Сергеевич Горбачёв сказал Николаю Петровичу: «Зря я не послушал тебя тогда», имея в виду те экономические советы, который Николай давал генсеку, а потом президенту. Не послушал Николая Петровича и Гайдар, которому он долгим вечером у легендарного золотодобытчика и артельщика Вадима Туманова рассказывал, что нужно сделать для вывода страны из кризиса. Через месяц назначенный премьером Гайдар сделал все абсолютно наоборот.

Еще в советское время в Институте США и Канады я зашел в кабинет Николая со словами: «Он что, идиот?», что отражало мою реакцию на действия одного из видных советских руководителей. Николай, который знал этого персонажа лично, грустно ответил: «Да, он действительно идиот, в прямом, а не в переносном смысле, и с этим, к сожалению,

ничего не поделаешь».

Нельзя сказать, что сегодняшняя реформаторская деятельность государства всегда вызывала восторг Николая Петровича. Все, что происходило вокруг реформы академии, встречало его непонимание и обиду. Он хорошо понимал, что реформировать академию, которая действительно нуждалась в переменах, с помощью громоздкой и дорогостоящей, а главное, далекой от науки структуры будет невозможно. Он говорил о том, что академия создавалась поколениями лучших людей России, и очень не хотел быть свидетелем ее уничтожения. В то же время Николай вспоминал, что его бывший тесть уже однажды пытался, хотя и безуспешно, разогнать академию. Отсюда он делал вывод о живучести научного сообщества и верил в его окончательную победу над бюрократией.

Сегодня, когда мучает боль от его ухода и постоянно ощущение необратимости потери, трудно писать о нем в прошедшем времени. Его друзья и коллеги еще будут долго вспоминать о нем и продолжать мысленный диалог, думая о том, как бы он поступил в той или иной ситуации. Я счастлив, что нам удалось многое обсудить и выяснить наше отношение к людям, к событиям и к будущему. Хорошо понимая всю специфику нашей жизни, он не был пессимистом и всегда воспринимал даже самые нелепые реформы, говоря, что «долго так продолжаться не может и в конце концов все образуется». Основывался его сдержанный оптимизм на вере в мудрость

народа, недостатком которого он считал долготерпение.

М. Г. Носов

Член-корр. РАН

Заместитель директора Института Европы РАН

Мой друг Николай Шмелёв

Мы познакомились в 1963 г. Николай Шмелёв работал в Институте экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР, а я – в редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения»; он – в левой, а я – в правой части коридора на третьем этаже пятиэтажного здания, которое ранее было одним из корпусов гостиницы «Золотой колос» на Ярославской улице, недалеко от ВДНХ/ВВЦ. Остальные этажи занимал Институт мировой экономики и международных отношений, тоже входивший в состав АН СССР. Как-то мы случайно сошлись в одной из комнат нашей редакции, и моя коллега Кира Борисова познакомил нас. Шмелёву было 27 лет, он недавно защитил кандидатскую диссертацию по экономике, но был уже «эсэнэс», т. е. старший научный сотрудник, что и по возрасту, и по стажу научной работы тогда было редкостью. Впрочем, своей известностью в стенах здания на Ярославке он вначале был обязан тому, что в 1962 г. разошелся после пятилетнего брака с женой Юлией, удочеренной внучкой первого лица в Стране Советов. Никита Сергеевич Хрущёв был тогда в зените своей власти, и в институтских коридорах о Шмелёве отзывались удивленно-уважительно, мол, не всякий осмелился бы на такой поступок, хотя, полагаю, никто толком ничего не знал.

Друзьями мы стали задолго до того, как началась наша совместная работа в Институте Европы РАН, и произошло это как-то само собой. Мое первое впечатление запомнилось: умные, понимающие глаза, приветливая полу-улыбка, естественность, неторопливая и доброжелательная манера разговаривать. Николай Шмелёв вызывал доверие. Вскоре выяснилось, что оно было взаимным. А началось наше сближение, может быть, с того, что мы были заядлыми курильщиками и часто пересекались у одного из окон, в которые упирались два конца нашего общего коридора. Дело в том, что перекур в те времена был излюбленной и самой распространенной формой творческой научной дискуссии, причем достаточно откровенной, если собеседники доверяли друг другу. Это был как раз наш случай.

Сближению поспособствовала и одна занятная история. Однажды в редакцию «МЭ и МО» пришла сотрудница какого-то московского научного учреждения и предложила свою статью. Тема интересная, фактический материал отличный, а написано неумело, и редакционная коллегия статью «зарубила». Однако зам. главного редактора Лев Степанов сказал, что тема и фактура стоят того, чтобы статью «дотянуть» и опубликовать. Сказано – сделано. В доработке участвовали сотрудник редакции Том Петров, я и сам Степанов, а еще привлекли Шмелёва, который был знаком с темой и дал несколько полезных советов. Статью опубликовали, автор – по фамилии Лепихова – была в восторге, это была ее пер-

вая статья, да еще в таком известном журнале. Заявившись к Степанову, она положила на его стол немалый по тем временам гонорар и предложила передать его тем, кто довел статью до ума. Несмотря на уговоры Степанова, женщина стояла, как Гибралтарская скала. В итоге мы вчетвером – Петров, Степанов, Шмелёв и я – отправились в Дом журналистов. Он располагался на Никитском бульваре, вблизи от Арбатской площади, а в нем – уютный ресторан с нешумной публикой, негромкой музыкой, отличной и вполне приемлемой по ценам едой. Там мы учредили фонд имени Лепиховой, сбрасывали в него часть наших дополнительных доходов, в основном гонораров, и периодически совершали вылазки в «Дом-жур». До тех пор, пока не разбежались в конце 1960-х гг. по другим учреждениям и адресам.

А если всерьез, то были, конечно, более веские причины нашего сближения. Шмелёв и я принадлежали к одному поколению. Родившиеся до войны, но не участвовавшие в ней по возрасту; не воевавшие, однако прочувствовавшие и запомнившие ночные бомбежки Москвы в 1941 г., лютые морозы двух первых военных зим и постоянное чувство голода. Поколение, зомбированное с детства одами в честь «Вождя всех времен и народов», а во взрослой жизни потрясенное докладом Хрущёва о преступной роли Сталина в массовом терроре 1930-х и его ответственности за военную катастрофу в первые месяцы войны с нацистской Германией.

Я с умыслом упомянул о Сталине, потому что, насколько я

помню, с разговора о нем и началось наше сближение. Шмелёв был категоричен в своем неприятии Сталина как человека и как политика. Тогда было немало людей, искавших оправдания не столько, может быть, Сталину, сколько своей вере в него. «Да, — соглашались они, — конечно, диктатор, и столько неповинных людей расстреляно или погибло в лагерях, но ведь под его руководством мы впервые построили социализм и победили нацистскую Германию». Не берусь утверждать, что Шмелёв уже тогда понимал, что у советской модели социализма нет будущего, вероятнее всего, он пришел к этому выводу позже. Но ссылок на «объективные обстоятельства», будто бы оправдывавшие сталинский террор и бескрайнюю зону ГУЛАГа, он не принимал категорически, в чем я был с ним солидарен.

Не помню, был ли тогда у нас разговор о том, что мы делали, что видели и узнали в первый день похорон Сталина. Нам было что рассказать друг другу, но за давностью лет — не припомню. И только теперь, взявшись за свои воспоминания, я внимательно прочел Шмелёвские «Curriculum vitae» и ахнул: Николай дважды упоминает, что видел сотни трупов, покрывших в тот день Трубную площадь. А в романе «Пашков дом», в каком-то смысле автобиографичном, его герой Александр Горт рассказывает о том, что он был в тот день на площади и что пережил тогда. Текст настолько эмоционален и фотографичен, как будто это сам автор, Николай Шмелёв, был там и запомнил на всю жизнь ужасающую кар-

тину.

«Ах, этот угол Трубной улицы и Трубной площади! Как же долго он ему снился потом, сколько лет... Стены дома, подвальная яма в тротуаре, почти у самых его ног, чьи-то две спины, втоптаннные туда вниз, сквозь погнутые прутья решетки, и он, расплющенный на стене, задыхающийся, молящий только об одном: только бы толпа качнулась назад, не вперед, потому что, если вперед – быть ему третьим в этой яме, через нее ему не перейти, не перескочить... Потом он узнал, что это был как раз самый страшный момент во всех похоронах, когда обезумевшая, плачущая, ревущая толпа почему-то со всех сторон кинулась на Трубную площадь: с Петровского бульвара, с Неглинки, с Цветного, с Рождественского – и все вниз, на площадь, по спинам, по головам, навстречу друг другу, давя и сметая все на своем пути...»²

Для Николая – ему еще не исполнилось 17 лет – это было страшным потрясением, навсегда оставшимся в памяти и во многом определившим его отношение к жизни. Этим же во многом объясняется его отношение к Н. С. Хрущёву. В своих статьях и интервью Шмелёв неоднократно отмечал его ошибки, метания и нелепые выходки, хотя всегда при этом проявлял сдержанность и деликатность. Но в итоговой оценке исторической роли этого человека у него сомнений не было: «Мнения людей у нас в России о Н. С. Хрущёве до сих пор самые различные... А я, по обстоятельствам своей

жизни имевший возможность довольно долго наблюдать его вблизи, лицом к лицу, утверждаю: все забудется! Все чудеса и выверты его забудутся: и кукуруза, и ботинок по столу в ООН, и безобразный скандал в Манеже, и даже Карибский кризис – все! А останется лишь одно: то, что он на веки вечные проклял И. Сталина и распустил лагеря»³. Я несколько иначе отзывался о Хрущёве, но тоже самым важным в его деятельности считал разоблачение сталинских преступлений и перемены в нашей жизни, получившие название «оттепели». Некоторым моим нынешним молодым и не совсем молодым коллегам эти перемены кажутся незначительными, даже мизерными. С позиций исторического прогресса они правы. Но как должен был воспринимать эти перемены советский человек, которого многие годы по вечерам охватывал леденящий страх, что вот сейчас, в эту ночь, к нему вломятся «незванные гости» – и его жизнь обрушится в бездну?

Это была не единственная сближавшая нас тема. Сходились мы и в критическом отношении к централизации и бюрократическим методам управления советской экономикой. В начале 1960-х гг., впервые за три с лишним десятилетия, в стране развернулась широкая, одобренная «сверху» публичная дискуссия о том, нужна ли нам экономическая реформа, и если нужна, то какая. Мы были убеждены в ее необходимости, и Шмелёв уже тогда считал, что при ее подготовке

³ Шмелёв Н. П. Curriculum vitae (Повесть о себе) // Шмелёв Н. П. Ночные голоса. Повести, рассказы. М., 1999. С. 369.

следует многое взять из опыта новой экономической политики, проводившейся в Советском Союзе в 1920-е гг. Однако Хрущёв подменил либерализацию экономики частичной децентрализацией ее управления, а после его принудительной отставки в 1964 г. новый «первый» Леонид Брежнев положил проект масштабной экономической реформы под сукно, чтобы, как пересказывали его слова, «не раскачивать лодку». Отказ нового лидера партии и государства от экономической реформы Николай Шмелёв оценивал как упущенный шанс. Отрицательно он относился и к периодическим «наездам» партийных идеологов на нестандартно мыслящих ученых-обществоведов – философов, социологов, экономистов, а также к косной и зачастую просто убогой политике КПСС в области культуры: разгрому выставки художников-авангардистов, запретам театральных постановок и т. п. Вероятно, были и другие пункты схождения, всего не припомнить, а в общем, довольно скоро выяснилось, что мы единомышленники.

В 1970-е и 1980-е гг. мы встречались редко, потому что работали уже не только в разных организациях, но и в разных зданиях, далеко друг от друга. ИЭМСС переехал в собственное здание, а я перешел на работу в Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР). Да, встречались редко, но уже в ином качестве. У нас появился общий друг. Я возглавлял в ИНИОН отдел информации по проблемам капиталистических стран Европы и Се-

верной Америки, и мне порекомендовали специалиста по военно-политической стратегии США Вадима Мильштейна. Мы быстро сговорились насчет того, чем он будет заниматься в отделе, а вскоре обнаружили немало точек схождения в наших жизненных правилах, во взглядах и интересах. Тогда-то и выяснилось, что он является давним и близким другом Шмелёва. Были они одноклассниками, явились в сей мир с двухмесячной разницей – в июне и сентябре 1936 г. И ушли от нас почти одновременно: Николай Петрович – в январе 2014 г., Вадим Михайлович – в апреле того же года. Время от времени он собирал круг своих друзей и приглашал меня. Обычно мы с Николаем устраивали небольшой перекур на двоих, чтобы обменяться мнениями в сфере наших профессиональных интересов.

Не буду напоминать о том, как эволюционировали в 1960-е и 1970-е гг. советская экономика, политическая система и коммунистическая партия с ее экзотическим высшим органом, в котором средний возраст его членов перевалил за 70 лет. Назову лишь два события, которые определили общее направление этой эволюции. 21 августа 1968 г. советские войска вторглись в Чехословакию, положив конец системным реформам в духе «социализма с человеческим лицом», которые начало руководство страны во главе с Александром Дубчеком. 25 декабря 1979 г. советские войска вошли в Афганистан под предлогом помощи новому руководству, объявившему о своем намерении построить в стране

«афганский социализм». Шмелёв негативно воспринял оба события, считая, что вторжение в Чехословакию положило конец и оттепели, и последним надеждам на экономическую реформу в СССР, а интервенция в Афганистан подстегнула новый виток гонки вооружений, для советской экономики непосильный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.